
Г *Сергей*
ГОНЧАРОВ

**Оранжевая
пропасть**

Выхода нет

18+

Сергей Гончаров
Оранжевая пропасть

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гончаров С.

Оранжевая пропасть / С. Гончаров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-10520-1

Когда мошенники отбирают единственное жильё. Когда в твоём теле оказывается ещё одна личность. Когда сны превращаются в сплошной кошмар. Когда провалы в памяти рушат жизнь. Когда смерть забирает любимых. Когда падение со ступеней оканчивается адом. Захочется ли тогда сделать глоток из реки забвения?

ISBN 978-5-532-10520-1

© Гончаров С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Сергей Гончаров

Оранжевая пропасть

* * *

Двенадцатое января началось для Максима со звонка будильника. За те две недели пока колледж, где он работал преподавателем, находился на каникулах, Максим успел отвыкнуть от ранних подъемов. Теперь трель звонка раздавалась как набат, в который стучит обезумевший монах.

Нехотя Максим разлепил глаза. Комната утопала в темноте. Рядом жена пробормотала что-то сквозь сон. У нее сегодня также первый рабочий день, но ей на это явно плевать. В таких ситуациях вся ответственность по подъёму супруги ложилась на Максима, иначе потом обязательно получал скандал с криком: «Я, по-твоему, на работе в игрушки играю?! Мы вообще-то в одном колледже преподаем! Забыл?! И я там деньги зарабатываю! А ты даже не удосужился разбудить меня!».

Будильник звонил. Скучная однообразная мелодия дешевого китайского звонка может мертвого поднять, не говоря о том, что живой сам встанет, чтобы быстрее заткнуть ненавистное треньканье.

Максим скинул одеяло. Медленно поднялся. Он помнил, как вскакивал с постели в восемнадцать, теперь, в тридцать пять, подъем давался тяжелее. Будильник стоял на туалетном столике супруги, куда он поставил его с вечера. Дальше от «сонной» руки – больше шансов проснуться вовремя.

Выключив звонок, Максим невольно глянул на себя в зеркало. Русые волосы привычно растрепаны, на вытянутом лице спрятались сонные глаза.

– Вставай, любимая! – вяло пробормотал он.

Лена, ожидаемо, не отреагировала. Тогда он принялся ее будить. Вначале попытался просто растолкать. Бесполезно. Следующим шагом стало отбирание одеяла. Не помогло. Пришлось супругу за ногу стаскивать с кровати.

Когда Лена оказалась на полу, то проснулась окончательно. Светлые волосы за ночь растрепались. На худом лице отчетливо проступило раздражение. Впрочем, она всегда сохраняла суровый вид, да и одевалась всегда строго – не просто так слыла самым требовательным преподавателем колледжа, где они вместе работали.

Одевшись и позавтракав, Максим стоял на пороге и обувался. Рядом хлопотала супруга, добавляя последние штрихи к его новому костюму.

– Будь осторожен! – сказала Лена, когда он обулся.

– Обязательно, дорогая! – весело ответил Максим, и, поцеловав жену, вышел на лестничную клетку.

Кнопка вызова лифта отказалась загораться. Пришлось спускаться пешком с восьмого.

Погода на улице стояла отличная. Как в стихотворении:

«Мороз и солнце – день чудесный...»

Перед выходом Максим посмотрел на термометр за окном – минус двадцать по Цельсию – но на улице, из-за отсутствия ветра, совершенно не холодно.

Прикурив, Максим порадовался новому дню и великолепной погоде.

– День начинается отлично! – вполголоса произнес он и двинулся в путь.

На крыльцо вели три запорошенные снегом ступеньки. Когда Максим становился на последнюю, то понял – надо идти аккуратней.

Слишком поздно.

Правая нога ушла вперед, пытаясь стать на землю, а левая соскользнула. Взмахнув руками, Максим упал спиной на лестницу. Голова по инерции откинулась назад и со всего размаху ударилась о бетон. У Максима из глаз посыпались искры...

* * *

Очень далеко виднелся свет.

Не свет в его привычном понимании, а что-то живое, само по себе являющееся светом. Оно удалялось. Максим побежал. Его скорости явно не хватало, но место, где находился, заставляло бежать. Не важно куда – главное бежать. Вокруг было все и одновременно ничего. Чьи-то лица, мелькавшие со скоростью, не позволявшей разобрать, кому они принадлежат. Голоса, много голосов, говорившее вместе и делающие непонятными слова. Города, страны, образы – картинки мелькали с катастрофической скоростью. И все окружала тьма. Казалось, в этом царстве сумрака не может быть ничего живого. Ни один луч света не пробьёт его. Максима охватило кататоническое отчаяние. Он не успевал, цель уходила, не давая никаких шансов догнать ее. Но он бежал потому, что ничего другого ему не оставалось. Казалось, вечность запустила его в свое лоно. Он не знал, сколько уже здесь находится и сколько предстоит пробыть. Свет все удалялся и удалялся. Уже невозможно стало разобрать, живой он или нет. Теперь это была просто точка посреди тьмы. Максим побежал изо всех сил. Через время понял: все попытки напрасны. Не стало точки, остался один сумрак, который начал сгущаться все сильнее. Максим не мог представить себе подобной черноты. В сущности, вокруг него не чернота. С уходом света стала надвигаться пустота. Пропали лица, голоса, города и страны. Что-то огромное подбиралось к Максиму, намереваясь забрать и поглотить, разжевывая кости, как промышленная мясорубка мясо. Оно не издавало ни звука, и от этого казалось еще страшнее. Максим не знал, что делать – вокруг четырехмерная пустота и гробовая тишина, от которой заложило уши. Ко всему этому, он кожей ощущал присутствие кого-то плохого. Того, кто ждет. Играет с ним, как кошка с мышью. Казалось, это предел, черта, за которой ничего нет.

Смерть.

Но тогда чего она ждет?

– Ну! Чего ты... – Максим умолк на полуслове, потому, что ничего, в сущности, и не говорил. Его рот не издал ни звука. Ничто не могло пробить небытие. Несколько минут Максим стоял и ждал, не зная чего. Хоть и думал, что несколько минут, но сомневался. В этом месте не существовало ничего. Даже время, в его привычном понятии, отсутствовало.

Из глубин пустоты раздался голос. Он не был голосом мужчины или женщины – он напоминал механический. Безэмоциональный, холодный и равнодушный машинный напев лился отовсюду и заполнял собой пространство. Казалось, будто он материален и, подхватив, понесет Максима на механических интонациях, то, поднимая, то, опуская в глубины вечности.

– Вспомни, что ты сделал в своей жизни, – раздавалось сразу отовсюду. – Вспомни тех, кого ты любил, кто любил тебя. Вспомни своих родителей. Вспомни все то, что тебе дорого и... – раздался леденящий душу смех запрограммированной машины. – Попрошайся со всем этим! Больше ты никогда не увидишь и не услышишь их! Теперь у тебя новый дом! Вечный дом! Посмотри и полюбуйся.

Пустота стала рассеиваться. Под ногами появилась скала. Небольшой островок, окруженный лавой, издающей тошнотворное зловоние. Приглядевшись, Максим понял, что это поток из крови, гноя, частей тела и костей. С соответствующей вонью. Его моментально стошнило. Подняв голову, он увидел, что вокруг отвесные стены, смыкающиеся кольцом. Совершенно гладкие и не дающие ни одной возможности выбраться. Сверху сыпалась труха. Задрав голову, он увидел на стене существ. Маленькие, человекоподобные, совершенно нагие, бесполое, с лицами, напоминающими свиные рыла, только противней. Они издавали громкие крики, не

походившие ни на что. Они веселились, сбрасывая на Максима жмени порошка. Посмотрев на свои руки, он понял причину их веселья.

Его заживо пожирали. Маленькие жучки, походившие скорее на пыль, падали и откусывая по ничтожному кусочку, умирали. Но этих жучков миллионы. Рукава куртки уже пестрели дырками. На каждом покрове кистей рук появились проплешины.

– Остановитесь, что вы делаете! – закричал Максим, но твари удвоили усилия. Теперь он едва различал их сквозь пелену падающих насекомых.

– Как жил, так и мучайся, ничтожный поклонник мимолетного, – раздался механический голос, а за ним снова смех. Теперь Максим понял, что так веселило мучителя. Мимо проплыла голова, без кожи и без глаз. Череп, сохранивший ошметки мяса. Его рот открывался, пытаясь издать звуки. Язык, отчасти съеденный, шевелился, вытаскивая попавшую в рот гадость. Доплыв к стене, он скрылся под ней. Смерти больше не существовало, но остались боль и страдания.

– Я могу спасти тебя, – раздался тихий женский голос где-то совсем рядом. Максим повертел головой, но никого не увидел.

– Не ищи меня, я в тебе. Я могу помочь тебе выбраться. А взамен прошу самую малость – хочу найти местечко в глубине твоего...

– Да, да я согласен, только вытаски меня! – Максим уже не знал, за какую соломинку хвататься. Руки и лицо начинало жечь. Боль тупая и далекая, но, как он подозревал, это всего лишь начало бесконечной пытки. Он догадался куда попал и что его ждет, а воображение рисовало самый страшный из фильмов ужасов.

– Ты уверен в своем выборе? – медлил голос. – Второй попытки у тебя не будет.

– Да, я уверен! – закричал Максим. – Через несколько минут тебе не с кем будет разговаривать и некого спасать! – паника накрыла, как девятый вал рыбацкую лодку. Происходящее стало казаться бредом.

«Какой к черту ад, – подумал он. – Это кошмар, пускай самый страшный из кошмаров, снявшихся когда-либо, но это всего лишь сон».

Уверившись в этой мысли, он шагнул в поток.

«Сейчас я проснусь, рядом спит Лена, сегодня мне на работу, ей тоже, мне будет сложно ее разбудить, но, в конце концов, получится. Потом я позавтракаю, соберусь, и пойду в колледж. Первая пара у раздолбаев из группы транспортников. Им надо рассказать про себестоимость. Затем вторая пара, а потом домой».

Когда нога Максима коснулась потока, он с ужасом понял, что все это уже происходило. Вспомнил про подъезд и ступеньку. Дальше думать было поздно.

Он провалился в реку из человеческих останков.

* * *

– Ты где? – спросила Лена у супруга по мобильному. Они договорились встретиться возле высокого здания, первый этаж которого сделан в виде арок.

– Я в пути, скоро буду, – ответил он. – А ты?

– Я почти на месте. Приеду, позвоню, – сказала Лена и положила трубку.

Мужчина подошел и что-то сказал. Лена не разобрала слов. Это ее не волновало. Автобус, на котором она ехала, странный. Потолок очень высокий, а двери непропорционально низки. Мало того, он останавливался через каждые пятнадцать метров. Лена сидела перед лобовым стеклом, как в двухэтажном транспорте, только автобус самый обычный – городской. Она четко помнила, что садилась в него на остановке. Теперь мимо проплывали поля, перемежаемые рощами. Ни одна машина не обогнала их и не проехала навстречу, но Лене это обстоятельство не волновало. Она точно знала, что едет по правильному маршруту.

«Кто ведет автобус?!» – возникла паническая мысль и в ту же секунду растворилась.

Лена обернулась. Салон пуст. Она ехала одна – это обстоятельство также не встревожило. Когда она снова повернулась лицом к окну, впереди уже находилось здание с первым этажом в виде арок. Лена встала и подошла к двери. Автобус быстро покрыл оставшееся расстояние и распахнул дверь. Елена спустилась по маленьким и неудобным ступеням. В лицо дохнул тёплый ветерок.

Зарокотал двигатель. Автобус хлопнул дверьми и начал быстро удаляться. Вскоре он скрылся из виду. Вокруг простирались сплошные поля, и только за спиной у Лены высилось огромное здание. Она подняла голову, начала считать этажи, но на восемнадцатом сбилась. Строение упиралось в небо, казалось, держит его, как Атлант.

«Не хватает сада с яблоками?!» – про себя иронизировала Лена.

Она прошла к другой стороне здания, пытаясь найти среди арок вход. Все они сквозные и выводили на другую сторону, где, насколько хватало глаз, также расстилось поле. Невысокая зеленая трава шелестела и качалась, будто от сильного ветра, но Лена не чувствовала дуновения, ни один локон ее прекрасных волос не пошевелился.

Она набрала номер Максима.

– Да любимая!

– Ты скоро?

– Я уже. Иди, встречай, – на этот раз он повесил трубку.

Лена вернулась через арку. Увидела, что Максим шел через поле. Супруг помахал. Она ответила. Скоро муж подошел к дороге.

Лена услышала звук – приближающийся рев мощного мотора.

По дороге с запредельной скоростью мчался ярко красный автомобиль.

«Это не машина, – пронеслось у Лены в голове. – Это дьявол».

Она хотела крикнуть Максиму, чтобы тот подождал, не переходил, но ее голова поворачивалась медленнее, чем ехал автомобиль. Как раз в ту секунду, когда она закричала «Стой», супруга сбила машина.

Максима подбросило в воздух на несколько десятков метров. Упав, он прокатился по земле приблизительно столько же и застыл в неестественной позе. Лена не верила глазам. Ступор от увиденного приковал ноги к земле. Опомившись, она подбежала к мужу. Лицо Максима залито кровью, ноги и руки переломаны во многих местах, изо рта при дыхании вылетала кровь, глаза смотрели на Лену. Он что-то прошептал.

Она упала перед ним на колени...

...а в следующий миг проснулась.

Запоздало пришло осознание того, что прошептал супруг.

«Помоги!»

* * *

Лена рывком поднялась с постели. Сон казался настолько реальным, что она до сих пор видела перед собой окровавленное лицо Максима, его глаза, смотрящие на нее. Сколько в них было боли и страданий, мольбы и любви...

Часы на туалетном столике показывали половину четвертого утра. Лена встала с постели. Уже год она спала в ней одна. Редко, но спала. В основном приходилось работать, чтобы обеспечить существование Максиму. Днем преподавать в колледже, а вечером то мыть полы, то сторожить, а иногда и того хуже... Лена не хотела вспоминать о тех унижениях, через которые прошла ради любимого человека. Она, как пятилетняя девочка, верила в чудо. Однажды она придет в поликлинику, а Максим смотрит на нее. В те редкие ночи, проведенные дома, она грезилась об этом моменте. Представляла, как подбежит к нему, обнимет, от счастья польются

слезы. Она будет рассказывать ему о том, что произошло в мире за время его отсутствия, само собой пожалуется, как было сложно одной. Он, еще не набрав сил, положит ей на плечо руку и скажет: «Ты самая лучшая!». Как много для Лены сейчас значили эти слова из уст Максима. Ради того, чтобы слышать его голос, видеть его, быть с ним, она сделает много. Если врачи потребуют еще денег – она их найдет. Только после трагедии Лена по-настоящему поняла, насколько любит мужа.

Умывшись и одевшись, она вызвала такси. Сердце настойчиво требовало, чтобы она отправилась в больницу.

На второй день пребывания Максима в медучреждении главврач признал его безнадежным и предложил отключить аппарат искусственной вентиляции легких, но Лена наотрез отказалась. Одно слово, и она точно больше никогда не увидит его, а так надежда...

Потребовалась баснословная сумма на содержание Максима в реанимации, с тех пор и началось... При первой возможности она шла к нему, подолгу сидела рядом и рассказывала, что произошло, как скучает, рассказывала о планах, мечтах. Медсестры крутили пальцем у виска, мол, делать нечего – сидеть у «растения», мужиков, что ли мало?! Дело в том, что при падении Максим так сильно ударился головой, что мозг умер. Тело продолжало функционировать, а голова...

Но Лена верила. Верила всей душой. К тому же она стала регулярно посещать церковь и подолгу молиться.

«Бог не может быть настолько несправедлив, чтобы забрать единственного дорогого мне человека!» – думала она.

Через пятнадцать минут Лена вышла из подъезда в промозглую ростовскую ночь. Такси ожидало. Лена с ненавистью, как обычно, прошла злополучную ступеньку. Сколько она принесла ей горя и бед, одному Богу известно.

– Куда едем? – спросил заспанный водитель, когда Лена села в машину.

– БСМП.

Автомобиль тронулся. Лена погрузилась в мысли. Таксист, маленький мужичок кавказской национальности, говорил с ней, спрашивал, но пассажирка не проронила ни слова, даже ни разу не посмотрела в его сторону.

* * *

Ночью в реанимацию оказалось попасть еще сложнее, чем днем. Если днем Лену туда пускали за вознаграждение, то ночью дежурный наотрез отказал в доступе. Лена и просила, и умоляла, давала деньги, но на все один ответ:

– Девушка, вы, что не понимаете?! – говорил санитар, мужчина приблизительно сорока лет, крупного телосложения. – Запрещено пускать в реанимацию посетителей!

Лена уже совсем отчаялась, но помог случай. Санитар сидел за столом в небольшой рекреации. Слева находились двери, за которыми коридор, по обе стенки которого располагались палаты. В третьей слева лежал Максим.

Из коридора раздался шум. Упало что-то большое. Санитар с поразительной ловкостью обогнул стол и побежал. Лена рванула за ним. Дверей в палатах нет, и санитар, пробегая, заглядывал в каждую. Остановился напротив палаты Максима. Сказать остановился, не сказать ничего. Он прирос к полу. Когда подбежала Лена, он все так же стоял и смотрел внутрь комнаты. От того, что внутри увидела она, из глаз полились слезы.

Слезы радости.

Бог услышал.

Интерьер комнаты состоял из койки на колесиках, аппарата искусственной вентиляции легких, подставки для капельниц и ещё нескольких непонятных устройств с мониторами. Сей-

час подставка с капельницами лежала на полу, а на койке, голый, сидел Максим. Он явно не понимал, где оказался. Когда взгляд сфокусировался на Лене, то попытался встать, но сразу упал на пол. Лена, подбежав, рухнула на колени, пытаясь помочь, говорила бессвязные слова, обливалась слезами. Максим что-то сказал, но Лена настолько была рада звуку любимого голоса, что смысл не поняла. Максим повторил:

– Принеси молитвенник, – его голос был тихим, но такой серьезности в нем Лена никогда не слышала.

Санитар поднял Максима, как пушинку. Уложил на койку. Супруг в эти минуты, как никто другой, походил на Лазаря. Муж поймал руку жены.

– Дорогая, принеси, пожалуйста, молитвенник, – повторил Максим с той же интонацией, но окрепшим голосом.

* * *

На фоне уползающего закатного солнца летел вертолет. Под ним простирался большой город, наверно слишком большой для долгого существования. Свет уходил из него, забирая то, что строилось веками, ради чего погибали люди, каждый из которых думал, что умирает во благо...

На восьмом этаже, в квартире, где ни осталось ничего, кроме скорби и сумрака, у окна, стояла девушка. Высокая, с черными волосами ниже плеч, с великолепной фигурой – мечта любого мужчины. Только мужчины ее теперь не интересовали.

Напротив дома находилась аллея, где гуляло много людей. Ирина наблюдала за парочкой, идущей в обнимку, за тем, как он пытался показать себя рыцарем, все знающим и умеющим, а она старалась изобразить самую благородную девицу. Может, Ира это придумала, а может, хотела так думать, вспоминая себя и Сашу. Вспоминала, как также гуляла и не задумывалась, что кто-то сейчас умирает, у кого-то горе, у него умер любимый попугайчик, а у кого-то умерла мать...

В пятнадцать думаешь, что жизнь состоит из белых полос, перемежаемых черными точками, с приходом совершеннолетия понимаешь, что жизнь состоит из одинаковых по величине черных и белых полос, став старше на десяток лет, осознаешь, что у жизни один цвет – серый.

Ира в двадцать пять смогла перейти и этот порог. Жизнь, уже несколько дней, она видела черной, как квадрат Малевича. Началась эта история давно, в те времена, когда жизнь радужная, а будущее прекрасное. Закончилась со смертью человека. Жениха Иры. Саша и его друзья детства, повзрослев, пришли к выводу, что зарабатывать деньги честным трудом – приоритет слабаков. Много лет дела у них шли отлично. Ира всегда боялась за Сашу, догадывалась, что однажды постучатся и скажут: «Он умер». Но всегда надеешься на лучшее, на то, что это будет с кем угодно, но не с тобой. Убьют любого другого, но не меня, от рака легких умрет другой, но не я, цирроз печени будет у соседа...

Позавчера Ира узнала о том, что Сашу убили. Как бешеную собаку, застрелили в перелуке. Для Иры это стало переломным моментом в жизни. Она, как любая девушка, всегда мечтала о любви. О такой любви, про которую пишут в книжках, про которую снимают фильмы и... Она нашла человека, с которым мечтала жить до старости, растить детей, решать поступающие проблемы, радоваться и смеяться. Счастье закончилось одномоментно. Ушло безвозвратно, даже не сказав: «Прощай».

«Если и есть в мире справедливость, – думала Ира. – То у кого-то другого, например, у моей сестры».

Зазвонил внутренний телефон. Ира, не торопясь, подошла и взяла трубку.

– Приехало такси, – сказала консьержка. – Что-нибудь передать?

– Пускай водитель поднимется и поможет донести вещи...

* * *

Когда родители Саши узнали о смерти сына, то незамедлительно попросили несостоявшуюся невестку покинуть квартиру. Ира не имела на нее никаких прав, поэтому временно решила перебраться к сестре, чтобы закончить дела, а затем обратно в отчий дом. Туда, где тебе всегда рады, любят и с нетерпением ждут.

Лифт не работал. Таксист помог Ире, за отдельную плату, поднять сумки на восьмой этаж. Ира порядком устала, сказывалась привычка курить. Отдышавшись и расплатившись с водителем, Ира позвонила в дверь. Спустя минуту открыл муж сестры – Максим. Его несколько недель назад выписали из больницы. Вид у него неважный, синяки под глазами, а кожа, даже не бледная, а совершенно белая. Что-то странное заметила Ира в Максиме, неуловимые движения и ничего не значащие слова, но они не его, а блеск глаз походил на свет двух маяков в самую темную из ночей.

«Да он в рубашке родился, – подумала Ира. – Вернуться с того света несколько недель назад и быть в относительно хорошем самочувствии».

Год, прошедший для Лены в муках, сблизил сестер. Ирина помогала, чем могла, подолгу разговаривала с Леной, убеждая, что все будет хорошо, и Максим воскреснет. Сама она верила в такую удачу с трудом, а по ночам, когда рядом лежал Саша, искренне жалела сестру. Теперь же... Ире уже никто помочь не мог. Разговоры и утешения бесполезны, они лишь причиняют боль, усиливая и так безразмерное горе. За те несколько ночей, проведенных в пустой кровати, не сойти с ума помогло провидение. Вначале Ира задумалась о самоубийстве, даже стала придумывать, каким образом его лучше осуществить – спрыгнуть с окна, повеситься, либо включить газ и забыться. Вариант повеситься исключился сразу, а между прыжком и газом Ира выбрать не успела.

«Боже, о чем я думаю! – подумала Ира. – Жизнь продолжается. Пускай она уже никогда не будет такой, но Саша бы точно не одобрил самоубийство».

В ту ночь он ей приснился. Ира почти ничего не запомнила, кроме того, что Саша был пострижен, хотя всегда носил длинные волосы, выбрит и одет в костюм с галстуком. Тогда он сказал, чтобы Ира не волновалась, у него все хорошо. Ира точно помнила – во сне было много событий, она о многом с ним разговаривала, но, к сожалению, ничего в памяти не задержалось. Эта ночь помогла жить дальше, она поняла – жизнь не закончилась, а перешла в другую колею, как трамвай со сломанными тормозами, водитель которого не смог перевести стрелку.

– Привет, заходи, – сказал Максим, шире открывая дверь. – Как добралась?

Максим не помог внести сумки, но Ира понимала, что для него просто стоять сложно, не говоря о подъеме тяжестей. Год бездействия для мышц не шутка. Взяв сумки – она вошла. Разуваюсь, не забыла пожаловаться на сломанный лифт.

– Он уже год не работает, – сказал Максим. – В ночь перед моим падением в нем ехала соседка с пятого этажа, и на третьем оборвался трос. Она отделалась сломанной рукой, а лифт не пережил этого падения.

– Насколько я знаю, там установлены пружины, – ответила Ира.

– Не знаю, что там установлено, но из-за сломанного лифта мне приходится гулять на балконе. Сил еще не хватает на спуск и подъем, – сказал Максим. – Заходи, располагайся. Лена скоро придет – ушла в магазин. Ты извини, но я пойду, прилягу.

– Да, конечно! – извиняющимся тоном сказала Ира. – Можно водички попить?

– Не «можно», а нужно, – Максим слишком резко развернулся, отчего потемнело в глазах. Не упасть помогла стена.

* * *

– У тебя иконы на каждом углу, – сказала Ира.

Они с Леной сидели за кухонным столом. В кружках дымился чай, за окном чернела зимняя ночь.

– Я помню, что ты приобщилась к Богу, но... – Ирина даже не знала, как бы тактичнее заметить, что изображений святых в квартире больше, чем в церкви.

– Все иконы вешал Максим, – ответила Лена. – Не знаю, что произошло, но так в Бога не верят даже служители его. Он только сказал, что видел ад и теперь сделает все, чтобы не попасть туда снова.

– А он рассказывал? – взыграло у Иры природное любопытство.

Она с детства любила мистику, ужасы, триллеры и всевозможные страшилки. Научившись читать, Ира залезла на несколько стульев, чуть не свалившись, достала книгу, ранее виденную у отца. Ира просила его прочесть хоть чуть-чуть из нее, но отец всегда отказывал, отвечая: «Тебе нельзя читать такие книжки, ночью будет страшно». Поняв, что читать ей никто не собирается, Ира научилась сама. И вот, наконец, книга у нее в руках. Ира до сих пор помнила ее содержание и также помнила, что отец оказался прав. Ира стала плохо спать по ночам, но чтение стало наркотиком. Когда родители обнаружили книгу... Вот это была взбучка!

– Он не рассказывал. Думаешь, мне не интересно?! – Лена встала закрыть двери на кухню, чтобы бубнением не тревожить супруга. – Сколько я не просила – он отвечал, что словами невозможно описать увиденное. Можно только догадываться, что это за место, но Максим все время читает библию. Поход в церковь стал его мечтой.

– Ленка, ты думаешь, он побывал... в аду? – Ира даже не пыталась скрыть скепсис.

– Да, – твердо сказала Лена. – Это стал другой человек. Я не могу описать, в чем отличия, но... – она замялась, подыскивая слова. – Может, я ошибаюсь, но у него что-то с глазами. Такое чувство, что на тебя смотрит всевидящее око. Я думала, это последствия болезни, но теперь не уверена. Они словно не его...

Договорить Лена не смогла. Ира залиvisto расхохоталась. Это было так на нее не похоже, что Лена даже забыла, о чем говорила. Вытащить из Иры улыбку вообще-то сложнее, чем разговорить стену. Даже самые бредовые мысли она выслушивала с серьезным лицом, часто и сама вливаясь в разговор.

– Ленка, не будь дурочкой! – отсмеявшись, сказала сестра.

От этого Лене стало обидно. Единственный человек, которому она доверяла подобные мысли, откровенно потешался. Разговаривать больше не хотелось.

Пожелав друг другу спокойной ночи, они разошлись по комнатам. Ира долго не могла уснуть. Именно в ту ночь у нее стала зарождаться черная зависть к сестре.

* * *

Максим чувствовал, что спит, но перед глазами яркая картинка, будто ему показывали кино.

Дверь хижины распахнулась и на поляну, залитую поднимающимся солнцем, выбежала девочка десяти лет. Трава еще мокрая, а в тени прохладно – мир просыпался, начинал подавать признаки жизни.

– Машенька, солнышко, – в дверях появилась кареглазая блондинка. – Аккуратно там! Не влезай ни в какие приключения, ни с кем не ходи и...

– Да, мам. Я помню, – на бегу ответила девочка. Через мгновение она скрылась в чаще леса.

– Возвращайся до темноты, – мать дала последний наказ дочери, но ответа так и не услышала. Постояв еще немного, зашла в дом.

Свет, плохо пробивающийся сквозь кроны, создавал впечатление таинственности. Маша любила это время суток, тот час, когда можно представить, что из-за ближайшего дерева выйдет волшебник и предложит покататься на лошади, или возьмет в путешествие по далеким странам. Она представляла, что они будут лететь над землей, как птицы, а внизу люди будут заниматься своими делами. Ветер, обжигающий лицо, и ощущение полета – вот она, хозяйка свобода.

Быстрее Маша не бегала никогда. Хорошо знакомая тропинка пропускала ее. Мама одела дочь в простенькое платьице, которое год назад сшила сама. Маша любила это платье, как и все то, что делала мама. В это утро она состряпала вкусные лепешки и не менее вкусный напиток из малины. Быстро позавтракав, девочка сообщила матери о своих планах. Видя страстный блеск в глазах дочери, мать даже не пыталась оставить ее дома, выполнять какую-либо работу. Она нарочно вечером рассказала дочери историю. Зная ее непоседливый характер, догадывалась, что Маша уйдет из дома ни свет ни заря. Так и получилось.

До деревни, куда спешила девочка, осталось немного. Последние метры по лесу Маша пробежала с удвоенной скоростью. Деревья расступились, и она оказалась на погосте. В нескольких метрах от того места, где выбежала Маша, стояли и молились две старухи. Своим появлением Маша их испугала. Та, которая постарше, даже вскрикнула. Затем пролепетала старым, похожим на предсмертный крик вороны, голосом: «Боже спаси и сохрани».

Мать никогда не учила Машу молитвам, а на вопрос «Почему?» всегда отвечала: «Тебе это не нужно».

«Не нужно – так не нужно», – думала Маша.

Мать-то лучше знает.

Когда старушки оправились от испуга, Маша уже была далеко, но все-таки услышала их слова.

– Опять эту нечистую принесло, – сказала старуха с каркающим голосом. – Не сидится ей в своем лесу! Бегает чернить сердце Натальиною Ивашки, а та тоже «умная», не видит, с кем общается сын?!

Машу всегда удивляло, почему люди так говорят, и однажды она спросила об этом мать.

– Понимаешь, доченька, – говорила мама, посадив Машу на колени. – Люди очень злые. Станешь старше – поймешь. – Маша действительно поняла, но поздно. – То, чего они не понимают, приписывают дьяволу, хотя по-настоящему, предположим, это делает природа. Я когда-то необдуманно совершила поступок, за который теперь расплачиваюсь изгнанием. Я очень стараюсь, чтобы к тебе люди относились лучше, а то, что там говорят – пускай говорят. Люди всегда говорят, всегда на кого-то клеветают и придумывают. Иногда столько много про себя узнаешь нового...

Дом, где жил Ваня, третий слева. Маша уже подходила, когда увидела невдалеке лежавшего на земле котенка. Судя по всему, его переехала телега, после чего отнялись задние лапки. Когда Маша подошла к котенку, он поднял голову и попытался встать. Это могло выглядеть смешно, не будь жестокой правдой.

– Бедненький, – опустившись на колени, сказала Маша. – Какой человек мог так с тобой поступить?

Маша хотела взять его на руки, чтобы отнести домой, напоить молочком, приласкать и подарить любовь, но откуда ни возьмись, появилась старуха, закричавшая так громко, что могли услышать в соседнем селе.

– Отойди от него отродье! – она семенила к Маше и размахивала клюкой, будто находилась в самом центре сражения. – Что ты делаешь?! Пошла вон!

– Я всего лишь хотела помочь, – попыталась объяснить Маша, но старуха еще громче закричала «Отойди!» и кинула палку. Палка, не долетев совсем немного, ударилась о землю и, отскочив, попала набалдашником котенку в голову.

– Посмотри, что ты наделала, ведьма проклятая! – Не унималась старуха, будто не сама кидала клюку.

Поняв, что теперь котенок точно умрет, Маша поспешила укрыться во дворе у Вани.

– Я поговорю с Ванькиным отцом, чтобы он не разрешал тебе общаться с его сыном, – крикнула вслед старуха.

Оказавшись во дворе, Маша увидела, что Ваня уже давно стоит, ждет ее прихода.

– Я боюсь эту старуху, – первое, что сказал он. – Она бешенная. Мать мне рассказывала, что когда она была молодая, то убила двух своих мужей, просто за то, что они ей надоели. С тех пор у нее не было семьи.

Одиннадцатилетний Ваня был низкого роста, но крепкого телосложения. Длинные русые волосы всегда зачесывал назад. Он единственный мальчик из деревни, друживший с Машей, остальным родители запрещали с ней общаться.

– Давай сходим в одно место, – Маша уже забыла про старуху. – Мне мать вчера рассказала про склеп. Большой склеп. Еще она сказала, что когда сама ходила туда маленькая, то видела привидение. Если мы сейчас выйдем, то к обеду дойдем, а там аккурат успеем к ужину.

Маша так жалостливо смотрела на Ваню, что он не смог отказать, но окончательный ответ даст мать.

– Я пойду, спрошу у мамы, – сказал Ваня, разворачиваясь к дому. – Если она разрешит, то пойдем...

– Стой, стой! Не спрашивай – она не разрешит. Скажи, что просто пойдешь, погуляешь, не говори куда.

– Но...

* * *

– Ты уверена, что там не опасно? – Ваня уже был не рад тому, что пошел. Он устал и сбил ноги, перебираясь через ручей по острым камням.

– Сам подумай, что может быть опасного в старом и заброшенном склепе? – Маша ни капельки не устала, в ее глазах горел огонь, который мог обжечь любого, кто станет на пути. – Или ты струсил?

– Нет, что ты?! Как я могу струснуть?! – Маша задела Ваню за живое. Он боялся, и причем сильно, но показать страх не мог. – Я просто стараюсь узнать побольше о том месте, куда иду.

– Когда-то давно, во времена молодости моей бабуши, здесь недалеко стояла усадьба. Не знаю почему, но она сгорела со всеми обитателями. Родственников не осталось, и с тех пор эти места заброшены. А склеп этого рода – ну кому он нужен? Стоит и пусть стоит, есть же не просит.

– А воры и всякие разбойники? – не унимался Ваня.

– Оттуда вынесли все ценное еще до рождения наших родителей. – Маша резко остановилась. Указав рукой, сказала. – Посмотри, вот он!

Приглядевшись, Ваня различил, что перед ними, между деревьев, в земле и растениях, спрятался склеп, а не холм, как подумал в первый раз, посмотрев в эту сторону. Невозможно определить размеры склепа из-за густо разросшейся растительности. Едва различимая каменная дверь, выглядевшая тяжелой, приоткрыта, являя миру сумрак и затхлость. Сильнее раскрыть ее у Маши и Вани не получилось, сколько усилий они ни прилагали.

– Попытаемся протиснуться так, – сказала Маша и без особого труда скользнула внутрь. У Вани этот процесс прошел не так легко. Вначале он думал, что и вовсе не пролезет, чему был

несказанно рад, но, постаравшись, все-таки протиснулся. Путь свету перегораживали кроны деревьев и почти закрытая дверь, оттого внутри не видно ровным счетом ничего. Застоявшийся воздух неприятно прокрадывался в легкие. Пахло плесенью, затхлостью. Витал едва уловимый гнилостный дух. Достав из кармана украденное у отца огниво, Ваня поджег факел, также украденный из отцовского сарая.

«Вот мне достанется, когда отец заметит!» – запоздало подумал мальчик.

Разгоревшийся факел осветил расколовшиеся от времени ступени. На самом краю освещенного пространства лестница заканчивалась, и начинался пол, выложенный каменными плитами. У окончания лестницы виднелся сгнивший деревянный косяк, а от самой двери ничего не осталось. Маша первой пошла вниз, следом, нерешительно, двинулся Ваня.

Спустившись по лестнице, дети оказались в продолговатой комнате, где вдоль стен стояли каменные гробы. Всего около десятка. Два последних – без крышек. Воображение Вани услужливо нарисовало поднимающихся оттуда мертвецов в остатках мяса и одежды.

Из мыслей Ваню вырвал голос Маши, слишком серьезный и задумчивый для ее возраста.

– Почему здесь столько дохлых крыс? – таким тоном обычно говорила мать Вани, спрашивая у отца: «Почему в хлеве воняет самогоном?».

Посмотрев на пол, Ваня почувствовал, как в груди зашевелилось нечто холодное. Крысиных останков и вправду многовато. От некоторых животных остались лишь кости, другие гнили, третьи недавно умерли.

В конце комнаты, как раз у раскрытых гробов, в неясном свете факела показалось движение. Ваня не знал, где оказалось его сердце, но даже в пятках оно не задержалось. Подняв факел над собой, Ваня увидел крысу, сидевшую на краю саркофага. Бусинки черных глаз внимательно следили за непрошеными гостями. Шерсть у животного местами облезла, отчего вид у крысы был жуткий.

Ваня всей душой хотел уйти отсюда, но что-то останавливало.

«Это не конец» – беспрестанно вертелось в голове.

Глаза животного закатились, и оно свалилось на пол.

Ваня не считал себя ни трусом, ни героем, но когда в гробовой тишине раздался звук похожий на стон тяжелобольного, он бросил факел и помчался вверх...

* * *

Максим вскочил с кровати, будто из нее вмиг вылезли тысячи иголок. Стон до сих пор звучал в ушах. Сердце не выдержало такого скачка. В глазах потемнело, и он упал на пол. Следом за Максимом, не менее проворно, вскочила Лена. В последний миг супруга успела подставить руку под голову мужа, чтобы он снова не ударился затылком о пол. Врачи строго-настрого запретили любые удары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.